

Крах человеческого в человеке

(Лингвостилистический анализ рассказа

А.И. Солженицына «Случай на станции Кочетовка»)

В статье дан лингвостилистический анализ рассказа А.И. Солженицына «Случай на станции Кочетовка». Цель статьи – показать, как по воле случая преданный делу Ленина и партии человек совершает двойное убийство – физическое и нравственное. Автор анализирует причины, по которым стало возможно нравственное падение героя, выявляет языковые средства, помогающие раскрыть социальные истоки крушения человеческого в человеке.

Ключевые слова: *случай; трансформация семантики; отрицательные конструкции; синтаксический параллелизм; система противопоставлений; окказионализмы-характеристики; вставные конструкции; человеческое начало.*

Elena A. Frolova

Crash of Human in a Human Being (Linguostylistic Analysis of the Story «Sluchai na Stantsii Kochetovka» by A.I. Solzhenitsyn).

The article presents the linguostylistic analysis of the story «Sluchai na stantsii Kochetovka» by A.I. Solzhenitsyn. Its aim is to show how the true-believing man can commit double homicide – bodily and moral. The author analyses the reasons of the character's moral lapse possibility, defend language means that can discover the social origins of crashing human in a person.

Key words: *event; semantics transformation; negative constructions; syntactic parallelism; system of oppositions; occasionalisms-characteristics; expletive constructions; human source.*

...Солженицын гениально изображает страсти социальные. И в этом ему, конечно, помогает его время, такое ужасное.

А.Ф. Лосев

Рассказ А.И. Солженицына «Случай на станции Кочетовка» был написан в период «оттепели», в 1962 г. и через два месяца опубликован в журнале «Новый мир» вместе с рассказом «Матренин двор». По мнению В. Шаламова, «Случай» – обвинительный акт большой силы, который «по своей художественной силе не уступает “Ивану Денисовичу”, а кое в чем даже превосходит» [Случай на станции... Электронный ресурс]. Это одно из

немногих произведений русского писателя, в котором действие происходит во время Великой Отечественной войны. Рассказ основан на реальном событии, произошедшем на станции Кочетовка с приятелем Солженицына – Леонидом Власовым. Главный герой произведения помощник коменданта станции Василь Васильич Зотов, человек с твердыми нравственными принципами, всегда поступавший по совести, по воле случая оказывается вершителем судеб человеческих: совершает двойное убийство – отправляет на физическую смерть бывшего артиста, окруженца Игоря Дементьевича Тверитинова, одновременно разрушая в себе человеческое начало.

Одним из ключевых в рассказе становится слово *случай*, вынесенное в заголовок текста. В соответствии с данными «Словаря русского языка» С.И. Ожегова, в семантике данной лексемы объединены семы ‘факт’ («1. Положение, происшествие, то, что произошло, случилось»), ‘пространственно-временная ситуация’ («2. Подходящее время, обстоятельство») [Ожегов 1985: 636] и ‘непреднамеренность’. Солженицын рассказывает случай, произошедший в случайном

Елена Александровна Фролова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Институт филологии

E-mail: frojlen@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»

ул. Малая Пироговская, д. 1/1, Москва, 119991, Россия

Moscow Pedagogical State University

1/1 Malaya Pirogovskaya str., Moscow, 119991, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Фролова Е.А. Крах человеческого в человеке (Лингвостилистический анализ рассказа А.И. Солженицына «Случай на станции «Кочетовка») // Русский язык в школе. – 2018. – № 9. – С. 42–47. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-9-42-47.

месте. Узловая железнодорожная станция, на которой происходят события, — «не место обитания», а «пункт следования, который все минуют» [Седакова, Электронный ресурс], одни благополучно, другие нет. И одновременно это место встреч по воле случая.

Описывая один день из жизни Зотова, А.И. Солженицын подготавливает нравственное падение героя. Силой обстоятельств лейтенант Зотов загнан на прифронтовую станцию, где вынужден сидеть в маленькой угловой комнате линейной коммандатуры, *откуда уже дальше не было двери*. Отсутствие выхода имеет прямой и переносный смысл: герой мучается от невозможности участвовать в военных действиях и от бессмысленности своей деятельности. Писатель подчеркивает роль войны в хаосе природной и человеческой жизни. Стихия начинает управлять жизнью и поведением людей:

Зато дождь и навел порядок: не было этой *бестолковой людской перетолчки*, постоянного *кишения* гражданских на платформах и по путям, нарушавшего приличный вид и работу станции. Все спрятались, *никто не лазил* на карачках под вагонами, *не перелезал* по вагонным лесенкам, местные *не перлись* с ведрами вареной картошки, а пассажиры товарных составов *не бродили* меж поездов, *как на толкучке*, развесив на плечах и руках белье, платье, вязаные вещи¹ (здесь и далее в цитатах курсив мой. — Е. Ф.).

Использование омофоничных корневых морфем в определении *бестолковой* ('бессмысленной') и компаративе *как на толкучке* (производное от глагола *толкать* (-ся)) акцентирует сему 'отсутствие порядка', которая в окказионализме *перетолчки* с аналогичным корнем трансформируется в значение 'дробя, превращать в мелкие куски, в порошок' (ср. семантику глагола *перетолочь*). Отсюда и существительное *кишения* — люди превращаются в шевелящуюся, копошащуюся массу. Утрачивается смысл человеческого существования: все как один, и одновременно *все* — *никто*. Определительное и отрицательное местоимения-антонимы уравниваются в значении. Бессилие масс передано с помощью повторяющегося отрицания действий разных социальных слоев, что реализуется

благодаря использованию стилистически разнородных глаголов: *не лазил, не перелезал, не перлись, не бродили*.

Бессмысленность обязанностей главного героя рассказа охарактеризована одной фразой: Зотов занят *переписыванием шифрованных номеров транспортных с одной карандашной ведомости на другую*. Отсутствие четкого понимания происходящего и невозможность предвидеть будущее даны через синтаксический параллелизм парцелированных отрицательных конструкций:

Тоска была даже не о жене, оставшейся с еще не рожденным ребенком далеко в Белоруссии, под немцами. Не о потерянном прошлом, потому что у Зотова не было еще прошлого. Не о потерянном имуществе, потому что он его не имел и иметь не хотел бы никогда.

У главного героя рассказа нет прошлого. Человек без прошлого не имеет будущего.

Война приостановила жизнь людей, бушует только природная стихия: *И только дождь трубил в разоренной трубе*. Солженицын олицетворяет мир природы и предметное окружение человека, используя метафоры-соматизмы: *дождь-косохлест... бил в крыши и стены товарных вагонов, в грудь паровозам; сек по красно-обожженным изогнутым железным ребрам двух десятков вагонных остовов...*

Эпитеты-композиции *по красно-обожженным ребрам, стеклянно-пузырящейся водой* объединяют компоненты с семантикой природного и рукотворного начал, а определение — грамматический неологизм — *невсачивающимися* (...и даже темно-бурая насыпка полотна *вздрагивала невсачивающимися лужами*) помогает автору нарисовать картину природного катаклизма — всемирного потопа, уничтожающего жизнь.

«Время X» обостряет нравственный выбор человека. Так, в образе главного героя рассказа «Случай на станции Кочетовка» борются законопослушный гражданин и человеческие чувства (отношение лейтенанта Зотова к торговле на станции). Скребущая душу тоска, *угнетенность, потребность выть вслух* была у Зотова *от хода войны, до дикости непонятного*. Выполнение инструкций не помогает, а порой вредит жизни в прифронтовой области:

А дней десять назад свалились откуда-то два шальных немецких мотоциклиста, влетели в Кочетовку и на ходу строчили из автоматов. Одного из них положили, другой унесся, но на станции от стрельбы все переполошились,

¹ Здесь и далее текст цит. по: Солженицын А. Один день Ивана Денисовича: рассказы 60-х годов. — СПб., 2017. — С. 201–268.

и начальник отряда спецназначения, ведающий взрывами в случае эвакуации, успел рвануть водокачку заложенным ранее толком. Теперь вызвали восстановительный поезд, и третий день он работал здесь.

Военные сводки *клешили сердце* помощника коменданта. Окациональный глагол со значением 'давить тисками' подчеркивает душевные страдания героя от хода военных действий, а страх лейтенанта Зотова перед неведомым будущим раскрывает суть взаимоотношений рядовых граждан и политической системы государства:

Не только вслух (*вслух спросить было опасно*), но самого себя Зотов боялся так спросить — всё время об этом думал и старался не думать...

Вася Зотов преступлением считал в себе даже пробегание этих *дрожащих мыслей*. Это была хула, это было оскорбление всемогущему, всезнающему Отцу и Учителю, который *всегда* на месте, *всё* предвидит, примет *все* меры и не допустит.

Вставная конструкция объясняет ситуацию: *опасно — боялся*; постоянно думал — *старался не думать*, потому что даже жалкая мысль уже *преступление*! И как попытка отречься от *дрожащих мыслей* — хвала *Отцу и Учителю*, который не может ошибаться. Не случайно писатель использует прописные буквы, превращая апелляции в имена собственные, характеризующие отношение граждан к властителю, а также пятикратный повтор звукового комплекса *все/всё*, подчеркивающего безграничное могущество и силу правителя.

Писатель изображает разное поведение людей в ходе войны. Одна и та же ситуация вызывает у них различную реакцию. Так, военный диспетчер Валя Подшебякина оправдывает конвойного, застрелившего одного из окруженцев, пытавшихся разворовать эшелон с мукой (*— А что же ему оставалось? — доказывала Валя, пристукивая карандашиком. — Ведь он на посту, ведь он часовой!*), а дед Кордубайло на стороне голодных окруженцев (*— Ну, правильно, — кивал старик, роняя крупный красный пепел махорки на пол и на крышку фонаря. — Правильно... Есть все хотят.*). Той же Вале как-то совестно выменивать вещи у эвакуированных, а тетя Фрося считает, что у *выковыренных-то и брать!*

Естественно звучит в устах деревенской бабы просторечная форма субстантивата, однако она оказывается точной

характеристикой людей, вырванных с корнем с насиженных мест и едущих в неизвестность. Ситуация войны, когда земля переходит из рук в руки (*По сводкам Информбюро провести линию фронта было нельзя, можно было спорить, у кого Харьков, у кого Калуга...*), — это время отступления и наступления. Все действующие лица произведения — странники, оторванные от своей малой родины. Не случайно Солженицын не конкретизирует, откуда родом главный герой рассказа. О «северных» корнях лейтенанта Зотова читатель догадывается по манере помощника коменданта окать, на которую неоднократно обращает внимание автор. Так возникает мотив бездомности.

По воле случая герои Солженицына оказываются в ситуации выбора. И от их решения зависит не только судьба других персонажей, но и возможность самого действующего лица остаться человеком. Нередко герои в рассказе даны на контрасте. Например, начальники конвоя Гайдуков и Дыгин противопоставлены не только внешне:

Первый — гренадерского роста, гибкий, с розовым охолодавшим лицом... <...> ... второй — коренастый, с лицом одубело-смуглым, темным.

Весело-разбитной Гайдуков *знал и уставлял и как их можно и надо нарушать*. Дыгин же сам себе *тошен был, что такой недотепистый со своими стариками — за все одиннадцать дней не попросили они есть ни у гражданских, ни у военных: они знали, что лишнего куска в такое время не бывает*.

Лейтенант Зотов, в отличие от других персонажей рассказа, живет исключительно ситуацией войны и строго по инструкции. Солженицын подчеркивает положительные стороны главного героя: желание помочь голодным конвойным; негативное отношение к бухгалтеру Чичишеву, суетливому и услужливому перед начальством и грубому с простыми бойцами; ненависть к кладовщику и ларечнику продпункта Саморукову (*Эту породу он ненавидел, как фашистов, угроза от них была не меньше*). Писатель прибегает к междометным формам *девербативов лив, хлест*, в которых сконцентрирована интенсивность действия, чтобы передать решимость персонажа, его готовность отдать жизнь за спасение дела Ленина.

Но в *доброжелательных* глазах Зотова поселились недоверие и подозрительность — характерная черта того времени:

Висела раньше и карта путей сообщения, но капитан, комендант станции, велел снять ее, потому что в комнату сюда входят люди и если среди них затешится враг, то, скосясь, он может сориентироваться, какая дорога куда.

Лейтенант не доверяет даже своим сослуживцам. Например, когда в его комнату заходит военный диспетчер Валя Подшебязкина, Зотов *залистнул шифровку и как бы случайно чистой бумагой колонки чисел, которые писал*; отвечая на ее вопрос, открыл скоросшиватель, *но не так, чтоб она могла туда засматривать*. Используя вставную конструкцию и оправдательно-смущенный оборот *как бы случайно*, Солженицын характеризует человеческое начало в своем герое. Ему самому некомфортно в данной ситуации, но инструкция превышает всего! Именно она заставляет Василь Васильича проявлять максимальную скрупулезность во всех действиях:

Зотов вздохнул и стал опускать маскировку на окнах, *аккуратно прижимая шторку к раме, чтобы ни щелочкой не просвечивало*.

Кульминационным моментом в развитии действия рассказа и в характеристике главного героя является его встреча с окруженцем Игорем Дементьевичем Тверитиновым. Ненавязчиво писатель раскрывает внутреннюю интеллигентность незнакомца: вежливо поклонился, попросил разрешения войти, при разговоре Зотова с Дыгиным, *поняв, что он мешает, отошел к стене, отвернулся и свободной рукой по очереди закрывал — нет, не закрывал, а грел уши*. Солженицын подчеркивает инородность Тверитинова с момента его появления на страницах произведения:

Очень симпатичная, душу растворяющая улыбка была у этого небритого *чудака*. Он и стрижен не был наголо. Короткие и негустые, но покрывали его крупную голову мягкие волосы, сероватые от искорок седины.

Не был он похож ни на бойца, ни на гражданского.

Непохожий чужак становится мерилom нравственности лейтенанта Зотова. Два праведника — праведник от идеологии и праведник человеческий — одновременно близки и непримиримо враждебны друг

другу. Общение с Тверитиновым возрождает в Зотове человека:

Он [Зотов] еще походил, сел... Лицо его сразу потеряло деловитость и быстрый смысл, стало *ребяческое...*

В разговоре с этим *уравновешенным* человеком, сразу понравившимся Зотову, помощник коменданта постепенно забывает о войне и вспоминает «осколки» мирной жизни — посещение театра, пьесы Горького, защиту диплома:

Вася знал, что не время сейчас болтать, вспоминать, но уж очень был редок случай *ответи душу* с внимательным интеллигентным человеком.

Впервые душа лейтенанта Зотова начинает превалировать над долгом. Умный уют отборных членов семьи Тверитинова, пахнувший на героя с фотокарточек, обостряет состояние его безродности. Солженицын исподволь готовит противостояние героев: беспрекословно подчиняющийся системе Зотов прячет недозволенные мысли, а московский актер Тверитинов вслух сетует:

Спрашивать ни у кого нельзя, за шпиона посчитают... Да вообще у нас вопросы задавать опасно.

По-разному оценивают герои-праведники творчество Горького, разные ассоциации возникают у них при упоминании тридцать седьмого года.

И вновь инструкция руководит действиями и мыслями помощника коменданта: он задает незнакомцу контрольные вопросы, на которые тот отвечает прямо и честно. Однако *инструкция требовала крайне пристально относиться к окруженным, а тем более — одиночкам*. Писатель использует не собственно-прямую речь, чтобы охарактеризовать колебания Зотова, строя ее в форме внутреннего диалога героя:

Тверитинов не мог доказать, что он отстал именно в Скопине. А может быть, в Павелье? И за это время съездил в Москву или еще куда-нибудь по заданию?

Но в его пользу говорило, что уж очень быстро он добрался.

Впрочем, где гарантия, что он именно из этого эшелона?

Праведник от идеологии побеждает человека. Не случайно именно лейтенант Зотов впервые употребляет глагол *разберутся*,

который впоследствии непроходящей болью отзовется в душе героя рассказа. Будучи надежным властью управлять поездами и вагонами, помощник коменданта начинает управлять человеческими судьбами. Страшное время, в которое *миллионы людей прокружились в какой-то проклятой карусели, станция, где холодный ветер нес перемесь дождя и снега, где изнывали эшелоны, безутолку толпились днем и на черных полах распологом спали ночью люди*, становятся хронотопом испытания человеческого в человеке. Писатель вводит в текст лексемы-новообразования, сквозь которые просвечивают мотивирующие единицы. Окациональное наречие-контаминант *безутолку* построено на базе структуры и семантики литературных адverbативов *без устали* и *без толку*; в результате авторский неологизм синтезировал семы 'беспрерывно' и 'бессмысленно', рисуя картину беспорядочного движения. Глагольная форма *толпились* представляет собой контаминацию глаголов *толпиться* и *копошиться*, порождая образ людской массы, утратившей человеческую индивидуальность.

Случайный бесхитростный вопрос Тверитинова о прежнем названии Сталинграда становится роковой закономерностью падения человека в Зотове. Теперь роль внутренней речи помощника коменданта выполняют вставные конструкции в скобках:

(Значит, не окруженец. Подослан! Агент! Наверно, белоэмигрант, потому и манеры такие.)

(Да не офицер ли он передетый? То-то карту спрашивал... И слишком уж переиграл с одержонкой.)

(Ах, спростовал! Ах, спростовал! Так, спокойствие. Так, бдительность. Что теперь делать? Что теперь делать?) и т.п.

Поток мыслей пронесется в голове главного героя, вставшего на путь крушения принципов человечности. Зотов вынужден лгать и притворяться, чтобы скрыть от подозреваемого решение донести на него, задержав. И вновь писатель прибегает к вставным конструкциям, которые призваны показать внутреннюю неуютность помощника коменданта, его попытку заставить самого себя поверить в правильность содеянного:

(Чтобы не дать заметить перемены, надо было смотреть по-прежнему на Тверитинова, но он не мог себя заставить.)

(Ну, спроси, спроси: к а к о й праздник? Тогда уж последнего сомнения не будет.)

Солженицын рисует картину надвигающейся катастрофы. *Через холодный темный коридорчик* Зотов выводит Тверитинова *в черноту ночи*. Над вагонами 794-го поезда, который мог увести окруженца на фронт, *вспрыскивали струйки огненных искр*. Но лейтенант уводит Тверитинова от этих искорок жизни в смерть: станция превращается в *дремучий лес*, в *темное чистое поле*, в *медлительных годовых переменах уже покорно готовое к зиме*.

Еще борется человек в праведнике от идеологии: силится Зотов подобрать слова (*— Вы... я... — Зотов очень мягко, с трудом поднимая глаза на Тверитинова, — ...я пока по другому делу...*), сильнее окает.

И праведник человеческий чувствует надвигающуюся беду: *сильно вздрогнул* от окрика часового. Состояние окруженца передают обстановка и детали одежды персонажа:

Дико выглядела голова Тверитинова в широкой кепке вместе с *тревожной тенью* своей на стене и на потолке. *Перехлестнувшийся шарф* удавкой охватывал его шею.

Творительный сравнения в сочетании с ярким определением-эпитетом, в котором актуализирована сема 'ударить' (ср.: *хлестать* — 'бить, ударять чем-нибудь гибким'), затягивают петлю на шее героя, который наконец понимает:

— Вы — задерживаете (выделено Солженицыным. — Е.Ф.) меня?!.. но за что?! <...>.

Зотову невольно пришлось оглянуться и еще раз — последний раз в жизни — увидеть при тусклом фонаре это лицо, отчаянное лицо Лира в гробовом помещении.

— Что вы делаете! Что вы делаете! — кричал Тверитинов голосом гулким, как колокол. — Ведь этого не исправишь!! (выделено Солженицыным. — Е.Ф.).

Пунктуационное оформление реплик Тверитинова (сочетание вопросительного и восклицательного знаков, удвоенное восклицание, контактный повтор восклицательных конструкций) передает эмоциональный накал ситуации, состояние душевного потрясения героя. В последний раз взывает голос-набат к Зотову-человеку, но выбор уже сделан. Метафорический образ подчеркивает предательский характер поступка лейтенанта. Судьба Тверитинова предрешена: *потолок уже давил ему на голову*. Но по воле Солженицына праведник человеческий превращается в карающего демона:

Он взбросил руки, вылезая из рукавов, одну с вещмешком, распух до размеров своей крылатой темной тени...

Не выдерживает испытания бракованная душа праведника от идеологии. Потому *никогда потом во всю жизнь Зотов не мог забыть этого человека*, и приговором лейтенанту стали слова:

– Раз-берутся... У нас брака не бывает.

Типичный положительный герой советской литературы становится у Солженицына антигероем.

«Случай пересекает барьеры всех обычных разграничений: социальных, географических и т.д. Это повествование о непредвиденной событийности жизни, о непредсказуемой фатальности: что-то происходит случайно, но навсегда» [Седакова, Электронный ресурс].

ЛИТЕРАТУРА

Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1985.

Седакова О. Маленький шедевр: «Случай на станции Кочетовка» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.pravmir.ru/malenkij-shedevr-sluchaj-na-stancii-kochetovka/> (дата обращения: 25.08.2018).

Случай на станции Кочетовка [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BB%D1%83%D1%87%D0%B0%D0%B9_%D0%BD%D1%86%D0%B8_%D0%9A%D0%BE%D1%87%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%BA%D0%B0 (30.08.2018).

%B9_%D0%BD%D0%B0_%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%B8_%D0%9A%D0%BE%D1%87%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%BA%D0%B0 (дата обращения: 30.08.2018).

Солженицын А. Один день Ивана Денисовича: рассказы 60-х годов. – СПб., 2017. – С. 201–268.

REFERENCES

Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka / pod red. N.Yu. Shvedovoi, Moscow, 1985.

Sedakova O. Malen'kii shedevr: «Sluchai na stantsii Kochetovka», available at: <https://www.pravmir.ru/malenkij-shedevr-sluchaj-na-stancii-kochetovka/> (25.08.2018).

Sluchai na stantsii Kochetovka, available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BB%D1%83%D1%87%D0%B0%D0%B9_%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%B8_%D0%9A%D0%BE%D1%87%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%BA%D0%B0 (30.08.2018).

Solzhenitsyn A. Odin den' Ivana Denisovicha: rasskazy 60-h godov, Sankt-Petersburg, 2017, pp. 201–268.

К сведению подписчиков!

В I полугодии 2019 года журнал «Русский язык в школе» с приложением «Русский язык в школе и дома» выйдет три раза: в январе, марте и мае.

Вы можете оформить подписку:

1) через наших партнеров – подписные агентства: «Роспечать» (индекс для индивидуальных подписчиков и организаций – 73334); «Почта России» (индекс для индивидуальных подписчиков и организаций – ПЗ896), «Урал-Пресс», «ПРЕССИНФОРМ», НПО «ИНФОРМ-СИСТЕМА»;

2) через интернет-сайты: <https://www.pochta.ru/> (выбрать раздел «Другие сервисы», далее – «Подписка онлайн»); <http://www.rospr.ru/> (выбрать раздел «Подписка на периодические печатные издания»).